

И ДЕТ второй час нашего интервью. Народный артист РСФСР Михаил Иванович Ножкин говорит серьезно, увлеченно. А в глазах, в улыбке есть что-то мальчишеское, озорное... Наверное, именно такое сочетание мужественности и непроходящего детства привлекло режиссера Ю. Н. Озерова, пригласившего в середине шестидесятых годов тогда молодого актера на одну из главных ролей в фильме о Великой Отечественной войне «Освобождение».

— Михаил Иванович, с чего начиналось ваше творчество?

— С Москвы, с голодного военного детства, когда, прильнув к репродуктору, слушал песни. Затем — кружки самодеятельности в школе, выступления на студенческой эстраде — я учился в строительном вузе. Уже тогда по вечерам сочинял стихи, музыку, пел перед друзьями, на сценах клубов. Тогда же увлекся рисованием, писал акварелью. Но любовь к литературе, поэзии победила, и я ушел в студию эстрадного искусства...

— Расскажите, пожалуйста, как удалось вам создать такой достоверный образ молодого лейтенанта в фильме «Освобождение», написать песню «Последний бой», которая и по сей день остается одной из самых популярных, поражает своей искренностью, словно вы сами пережили те годы...

— Казалось бы, давно прошла война, но все равно по сей день в каждой семье есть о ней отметина. В моем доме хранятся дневниковые записи отца, который прошел самые страшные концлагеря Дахау и Бухенвальд и чудом остался жив. Каждый год в День Победы вместе со своей семьей, с сыном я прихожу к Большому театру, иду в Парк культуры имени Горького, где собираются убитые

Т. БУТКОВСКАЯ

ДЕТСТВО НАЧАЛОСЬ С ВОЙНЫ

Интервью с народным артистом РСФСР
М. И. Ножкиным

Субботние встречи

сединами, с орденами и медалями на груди ветераны, те, кто отстоял для нас мир... Я родился в январе 1937 года в Москве. Детство началось с войны. Люди моего поколения подтвердят: мы были взрослыми с 6—7 лет. У нас были взрослые обязанности. Я понимал, что, если к приходу взрослых не растоплю печку, мы все останемся голодными, замерзнем. Мать работала по две-три смены, двенадцатилетний брат пошел учеником на завод... Знал я, что если не отстою очередь за хлебом, то есть будет нечего. Мы жили неподалеку от Яузской больницы, где тогда располагался военный госпиталь. Раненых туда привозили прямо с передовой. Я помню их уставшие добрые глаза. Мы, мальчишки, словно воробышки, крутились вокруг них, слушали их рассказы, а они совали нам потихонечку кусочек хлеба, кусочек сахара, от себя последнее отрывали... Помню, был там клуб, где показывали фильмы. Они нас тайком туда проводили, чтобы персонал не заметил — расставят перевязанные руки, и мы под

их халатом незаметно проходим. Экран был из простыни, и раненые смотрели с одной стороны, а мы — с другой, «на просвет» — там были наши «законные», ребячьи места. Вот доброту этих солдат, щедрость душевную я запомнил на всю жизнь...

А что касается песни, то она родилась, когда фильм был уже практически завершен. Закончились съемки, и создатели картины, кстати, бывшие фронтовики, сказали мне, что все соответствует правде, есть только одна неточность. За все четыре года войны, прослеженных в нашем фильме, не прозвучало ни одной песни. А песня всегда была с бойцами, помогала в трудную минуту, звучала в моменты отдыха и затишья. И я взялся за работу. Сначала не получалось, а потом я вспомнил детство, солдат в госпитале, их слова о доме, родных. И тогда песня быстро сложилась. Эта песня звучит в фильме в заключительной серии перед взятием Рейхстага. В ней есть такие слова: «Еще невозможно, еще чуть-чуть, последний бой, он трудный самый... А я в Рос-

сию домой хочу, я так давно не видел маму...» Минувшим летом, 22 июня, это совпало с днем начала войны, меня пригласили в телецентр на сеанс связи с космонавтами. Я давно с ними дружу, еще со времен Гагарина, Королева, меня часто приглашают выступать в Звездный, выхожу на связь с космонавтами, когда они работают на орбите. И вот оказалось, что Соловьев, Кизим и Атьков взяли с собой на борт космического корабля пленки с записями песен, в том числе и моих, и попросили, чтобы я вышел с ними на связь. Я прочел им новые стихи, исполнил несколько песен, и вдруг они попросили с ними спеть «Последний бой». Я был, конечно, очень тронут... Им показалось мало одного сеанса связи, они уговорили меня остаться на второй. Я заинтересовался, когда они снова прилетят, и услышал: через час с небольшим. И вот тогда я впервые, пожалуй, так остро ощутил, как мала наша Земля — всего и надо час с небольшим, чтобы облететь ее, как хрупка она, как нуждается в защите... Уберечь Землю от пожара, спасти нашу планету — нет сегодня задачи важнее. И мы, деятели культуры, должны внести свой вклад.

— Вы силлись во многих фильмах, пишете сценарии фильмов, музыку к опереттам, сочиняете стихи, исполняете собственные песни. Как вы все успеваете? И какой все-таки из муз отдано ваше сердце?

— К сожалению, успеваю меньше, чем хотелось бы. Сейчас работаю над сценарием нового художественного фильма — это будет психологический детектив, снимаюсь в многосерийном телевизионном фильме и, конечно, продолжаю писать стихи.

— Значит ли это, что вы простились с эстрадой?..

— Нет, конечно. По-прежнему пишу песни.